

образования, что существенно затрагивает интересы миллионов людей.

В связи с этим в контексте развития социологии инноватики необходимо думать о разработке механизмов коррекции негативных рисков прав на интеллектуальную собственность. В качестве идей создания и внедрения таких коррекционных механизмов можно предложить следующие:

- Принудительное лицензирование (обязательное распространение знания, имеющего общественное значение). Идея принудительного лицензирования не так давно рассматривалась как посягательство на само понятие собственности, поскольку нарушается фундаментальное право — право не «продавать», однако эта практика получает в ряде развитых стран все большее распространение.
- Выкуп исключительного права, когда государство или общественный фонд выкупают исключитель-

ные права с целью возврата их в общественную сферу, т. е. массового использования в интересах общественного блага.

- Перекрестное лицензирование. Обмен правами и система взаимных уступок могут реализовываться в рамках консорциума.

Мы с оптимизмом смотрим в будущее и уверены, что основой будущего России, ее экономики будут именно знания, будет интеллектуальная собственность.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., Academia, 1999.
2. Осипов Г.В., Степанов С.В. Экономика и социология знания. М., Наука, 2009.
3. Beck U. World Risk Society. Cambridge, 1999.
4. Foray D. The Economics of Knowledge. Cambridge, 2004.

Role of Intellectual Property Under the Conditions of Establishing Knowledge Society

I. A. Bliznets, Rector of higher institution of vocational education «The Russian State Academy of Intellectual Property», Doctor of Science, Law, Professor, Counsellor of State of the Russian Federation

The article concerns a distant but real prospect of transforming the Russian economy and society into a principally new state — knowledge society. In such type of society knowledge is not only the leading source of economic growth, but also the leading determinant of society's organization. The article traces the evolution of notions «knowledge economy» and «knowledge society», describes the main characteristic features of «knowledge society», forecasts problems which can be related to the functioning of Intellectual Property in «knowledge society». Mechanisms of negative risks correction are suggested.

Key words: knowledge society, knowledge market, Intellectual Property, innovations, benefit to the society.

Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста

А. Ю. Шевяков
д. э. н., профессор,
директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
info@isesp-ras.ru

Автор статьи оспаривает точку зрения, согласно которой в странах, осуществляющих модернизацию экономики, рост неравенства неизбежен и представляет собой временное явление. По мнению ученого, основная проблема неравенства и бедности населения лежит в механизмах распределения и перераспределения ресурсов. Необходима радикальная смена парадигмы социально-экономической политики и ее переориентации на нужды большинства населения, которая невозможна без радикальной перестройки распределительных отношений, введением других механизмов распределения, в том числе изменения системы налогообложения. Этот вывод представляется очень важным в современных условиях, когда кризис ограничивает возможности дальнейшего роста бюджетных расходов государства на социальные нужды.

Ключевые слова: избыточное неравенство, демографическая динамика, социально-экономическое развитие, распределительные механизмы.

Условия и предпосылки развития человеческого потенциала определяются не только количеством, но и характером распределения ресурсов между людьми, и от характера распределения это развитие зависит не меньше, а даже больше, чем от количества самих ресурсов.

Если говорить о ресурсной составляющей развития человеческого капитала, то ее основу составляют бюджет и доходы населения. Здесь мы не будем рассматривать вопросы формирования и распределения бюджета по социальным статьям: это тема отдельного разговора. При всей значимости проблем в сфере распределения бюджета, его наполнение решающим образом определяется политикой формирования и перераспределения доходов населения.¹

Показателем «качества» такого распределения, который определяет целый комплекс социальных проблем (уровня и качества жизни населения, воспроизводство человеческого капитала, экономическое и репродуктивное поведение население и т. д.) является неравенство доходов населения. Вместе с тем, влияние неравенства на макроэкономические процессы, в том числе на темпы роста, в России не то чтобы недооценивается, оно просто вообще не принимается во внимание.

Роль неравенства в определении совокупных функциональных возможностей населения выражается в том, что при одних и тех же интегральных значениях фундаментальных факторов (ресурсов) общий уровень осуществимости и доступности каждой из значимых для развития человеческого потенциала функций может варьироваться в широких пределах.

Рассмотрим прежде всего какая ситуация сегодня в РФ. Неравенство доходов населения росло все годы реформ и продолжает расти. Сегодня в России, несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов в «тучные» годы, социальная поляризация ввиду форсированного роста самых высоких доходов и доходов не уменьшалась, а продолжала нарастать.

Наши оценки неравенства значительно выше. Для корректных оценок неравенства, в том числе и с точки зрения международных сопоставлений, надо учитывать, во-первых, располагаемые, а не номинальные доходы, а во-вторых, разницу более чем в два раза в уровне инфляции для бедных и богатых. С учетом этих факторов реальное неравенства (в значениях коэффициента фондов) оказывается почти в полтора раза выше — сегодня это 23–24 против 16,7 по оценкам Росстата.

На рис. 1 для сравнения приведены коэффициенты фондов для стран ОЭСР.

Прогнозные расчеты этого показателя на 2025 г. при сохранении существующих распределительных механизмов и контрольных показателей роста зарплаты, пенсий и инфляции, определенных Правительством, показывают его рост до 22–25.² Особенно удручающее положение с неравенством в г. Москве, где его значение, несмотря на определенное снижение, составляет сегодня по оценкам Росстата 35,4, а по нашим более 50. Трудно найти аналог таким запредельным значениям в статистике не только для развивающихся стран, но и вообще для стран, где такая статистика существует.

Суть проблемы в том, что существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в пользу богатых, большая доля совокупного роста доходов уходит на рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения, а на повышение доходов наименее обеспеченных остаются крохи.³

Рост высоких доходов происходил неравномерно: роста объема реальных доходов 20% самых обеспеченных в процентах к общему объему за годы реформ составил почти 25%, в то время как для 20% «бедных» объем реальных доходов снизился почти на 18%. А это означает, что отдельные (богатые) группы населения имеют институциональные преимущества, что позволяет им перетягивать эффекты экономического роста на себя.

¹ Во все предыдущие годы реформ государственная социальная политика была направлена на уход государства из социальной сферы и насаждения здесь рыночных отношений. Даже сегодня, когда пришло понимание серьезности социально-экономических и демографических проблем и произошел существенный поворот к их решению, государственная политика все еще носит несистемный, лоскутный характер.

Само же финансирование социальной сферы в РФ не соответствует уровню социального государства. Сравнивая структуру государственных расходов развитых стран, на традиционные (оборона и правопорядок) и современные (сохранение и развитие интеллектуально-человеческого потенциала) функции государства, можно видеть, что сегодня в мире через государственные бюджеты тратится, в среднем, на современные функции 18% ВВП, а на традиционные — только 5–6%. В противовес мировой закономерности увеличения государственных расходов на выполнение современных функций государства, в России государство большую часть расходов тратит на выполнение традиционных функций. В будущем году на эти цели из федерального бюджета будет потрачено 7,4% ВВП, что почти на 25% превышает среднемировой показатель. При этом в три раза меньше (4,7% ВВП) тратит на современные функции.

Трудно предположить, что проблему сохранения и поддержания национального здоровья может решить государство, выделяющее на медицину немногим более 2% ВВП. В то время как Всемирная организация здравоохранения рекомендует выделять 5%, а в странах G7 эти расходы находятся в диапазоне от 7 до 15% ВВП.

² При упомянутой выше коррекции официальных цифр Росстата коэффициент фондов возрастет до 33–35.

³ Так например, в 2008 г. по расчетам российской экономической школы «золотой миллион» (примерно 0,7% населения) получал 30% всех доходов населения! При этом эти оценки сделаны без учета дохода от роста стоимости капитальных активов и других доходов, не отражаемых в российской статистике.

СОЦИОЛОГИЯ ИННОВАТИКИ

Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), коэффициент, январь-декабрь

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	8	13,5	15,2	13,5	13,3	13,6	13,8	14,1	13,9	13,9	14	14,5	15,2	15,2	16	16,8	16,8	16,7

В результате реформ в России выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения. Группы населения со средними (близкими к медиане) доходами не только не разбогатели, но и не восстановили уровень благосостояния, который они имели в 1990 году. А группы населения с самыми низкими доходами остались за чертой абсолютной бедности.

Если говорить о бедности, то динамика показателей абсолютной бедности базируется на понятии прожиточного минимума, и помимо динамики показателей доходов совершенно естественно зависит от значения и динамики изменений этого минимума.

Выбор значения прожиточного минимума так или иначе достаточно субъективен, осуществляется практически без консультаций с наукой, общественностью и профсоюзами. И самое главное, не соответ-

ствует современным реалиям.⁴ Вообще говоря, сама идеология построения этого уровня имеет свои корни в советской действительности, когда многие необходимые потребности население удовлетворяло через общественные фонды потребления, и семья даже с низкими доходами имела реально бесплатный доступ к услугам здравоохранения, образования и отдыха. Мы сколь угодно можем говорить о бесплатном образовании и здравоохранении, но на самом деле сегодня даже за скорую помощь приходится платить.⁵

Если же говорить о показателях относительной бедности, которые используются в странах ЕС и где в качестве ее границы выступает, как правило, 60% от медианного (среднего) уровня доходов, то численность относительно бедного населения России неуклонно продолжает расти. В 1990 г. относительная граница бедности (ОГБ, 60% от среднедушевого дохода) пролегла между среднедушевыми доходами 3-й и 4-й децильных групп. В 2000-е годы ОГБ приблизилась к среднедушевому доходу в 6-й децильной группе и вместе с неравенством продолжают расти и тем больше, чем выше экономический рост и богаче регион.⁶

С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется просто абсурдным и показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная, прежде всего, с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, когда не происходит снижение бедности по мере экономического роста.

Особенно тревожное положение с детской бедностью. По абсолютному показателю (ПМ) детская бедность сегодня составляет 24%, а относительная — 46% против относительной бедности по всему населению РФ — 34% и при европейской детской бедности в 6–

Рис. 1. Коэффициент фондов в странах OECD

⁴ Так, например, в нем не предусмотрено никаких затрат на аренду и тем более покупку жилья, а нормы по хлебу и мясу в 1,5–3 раза меньше пайка немецкого военнопленного в Ленинграде.

⁵ Если говорить о приближении уровня прожиточного минимума к современным реалиям, то в него надо включать затраты на жилье и доступ к телекоммуникационным и информационным ресурсам, пересмотреть нормативы на одежду и пр. Даже грубая оценка всего этого показывает, что он должен быть увеличен минимум в 2,5–3 раза. И что при этом будет с показателем бедности?!

⁶ Так в самом богатом регионе Москве, где уровень доходов в 3 раза превышает средний по стране и неравенство почти в два с половиной раза выше среднероссийского.

8%. С каждым последующем деторождением семья погружается во все более глубокую бедность: относительная бедность полной нуклеарной семьи с одним ребенком — 42%; полной нуклеарной семьи с двумя детьми — 48%; полной нуклеарной семьи с тремя детьми — 55%. Обо всех семейных разрезах масштабы детской бедности в России в 4–5 раз превышают средние по OECD показатели (рис. 2), а для Западной Европы — в 10 раз!

Таким образом, мы имеем не только избыточное социально-экономическое расслоение нашего общества, но и распределительные механизмы, которые его создали, систематически поддерживают, и препятствуют преодолению социальных диспропорций.

Интересно отметить, что случайно или нет, но во всех планах правительства по снижению бедности фигурирует не собственно показатели бедности, а показатели увеличения МРОТ, пенсий, пособий, зарплат бюджетникам и т.п. Заметные проценты подтягивания этих показателей к прожиточному минимуму демонстрируют «серьезные» усилия правительства по решению проблемы бедности. Радикального снижения бедности при таком подходе ожидать не приходится, тем более, что инфляция и существующие распределительные механизмы фактически сводят эффект этих мероприятий во времени к нулю⁷. Детальный анализ на уровне различных доходных групп населения показывает, что даже достаточно радикальные предложения по повышению МРОТ и пенсий, которые в последнее время афишируются многими экономистами и политиками, не могут привести к заметным сдвигам по снижению бедности и неравенства: только 12–15% выделяемых на эти цели ресурсов попадают к действительно бедным⁸.

Связывая рост благосостояния только с экономическим ростом, правительство оценивает и подменяет достижения в социальной сфере экономическими показателями, а ориентирами для оценки успешности социальной политики и выработки мероприятий по решению социальных проблем служат в основном среднестатистические показатели, которые не только не дают реального представления о продолжающемся углубляться социально-экономическом неравенстве и бедности, о существе и глубине проблем деформации распределительных отношений, но даже и дезориентируют.

И сегодня в реальной политике, ориентируясь на абсолютные показатели уровня жизни и связывая его

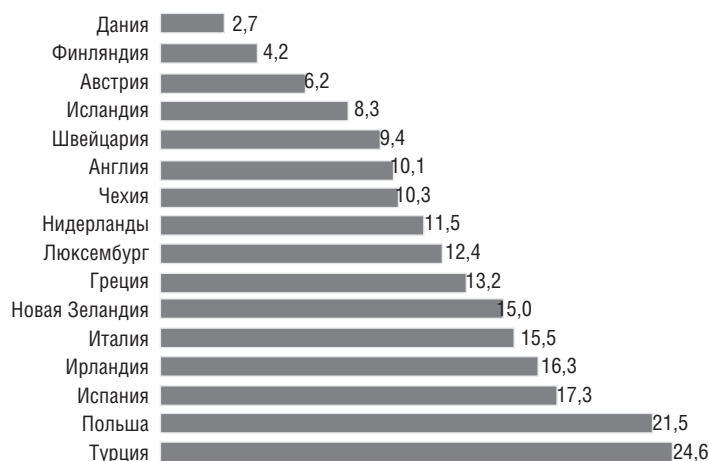

Рис. 2. Детская бедность по странам

повышение только с экономическим ростом и наличием ресурсов, неравенство правительством во внимание не принимается, и оно не включено в перечень показателей, подлежащих мониторингу и управлению. Судя по всему, правительство остается в плену представлений, что экономический рост автоматически приводит к успешному решению социальных проблем и повышению уровня жизни большинства населения, а все проблемы социальной сферы лежат в ресурсной плоскости.

Сегодня развитие теоретических и практических исследований, в том числе и международных сопоставления, показывают ошибочность такого взгляда — без активной перераспределительной государственной политики экономический рост не приводит к снижению масштабов неравенства и бедности. Это следует из результатов теоретического моделирования экономики рынка и неравенства, которые смутили самих теоретиков, и пока остается неизвестными политикам: в динамических моделях рынка с учетом накопления и наследования имущества неравенство неограниченно возрастает. Рост неравенства, не сдерживаемый прогрессивными налогами и другими способами перераспределения доходов, приводит к существенному увеличению доходов только богатых и обнищанию практически всего остального населения.⁹

Дело в том, что повышение уровня жизни большинства населения происходит тогда, когда при распределении эффектов экономического роста отдельные группы населения не имеют значительных преимуществ перед другими. И именно государство, а не невидимая рука рынка ответственно за выравнивание таких распределительных отношений, когда экономический рост влечет за собой и рост благосостояния большинства населения.

⁷ Если не считать того, что, задавая тот или иной уровень прожиточного уровня, мы можем и бедность свести к любой цифре.

⁸ Дело в том, что повышение зарплат и пенсий происходит конкретной личности, а уровень бедности измеряется по отношению к домохозяйствам. А пенсионеры, бюджетники и пр. присутствуют и в богатых, и в бедных домохозяйствах, что приводит к «размыванию» эффекта мероприятий по повышению МРОТ, пенсий и др. по всем доходным группам.

⁹ *Atheson A., Lucas R.E. Jr.* On efficient distribution with private information. *Review of Economic Studies*, 1992, 59, No 3. С. 427–53.

Phelan C. On the long run implications of repeated moral hazard. *Journal of Economic Theory*, 1998, 79, No 2. С. 74–91.

Farhi E., Werning I. Inequality, social discounting and estate taxation. NBER working paper No 11408, 2005, www.nber.org/papers/w11408.

Это что касается прямой связи экономического роста с ростом благосостояния населения и его различных групп. Но оказывается, что неравенство в России сегодня является системным и по существу определяющим динамику фактором экономического и демографического роста.

В последнем исследовании Мирового банка, в основе которого лежат результаты обширных статистических исследований по странам мира, показано, что высокое неравенство (выше 0,4 для коэффициента Джини) отрицательно сказывается на экономической динамике и препятствует экономическому росту.¹⁰ В настоящее время коэффициент Джини в РФ давно превысил критический уровень Мирового банка 0,4 и продолжает увеличиваться.¹¹

Одна из ключевых идей доклада ВБ состоит в том, что предшествующее неравенство воздействует на последующий экономический рост и существует критический уровень неравенства, определяющий, каким будет это воздействие, позитивным или негативным. При исходном неравенстве ниже критического уровня увеличение неравенства, не превышающее этого уровня, повышает ожидаемый темп роста. И, наоборот, при исходном неравенстве выше критического уровня любое его дальнейшее увеличение снижает ожидаемый темп роста, а его снижение, приближающее неравенство к критическому уровню, повышает темп роста. В основе этой идеи лежат результаты обширных статистических исследований по странам мира, изложенные в коллективной монографии под редакцией Корниа.¹² Фактически в этой книге утверждается, что зависимость темпа экономического роста от предшествующего неравенства описывается кривой, имеющей форму перевернутой буквы U, и максимальный темп роста соответствует критическому уровню неравенства, который в терминах индекса Джини оценивается как 40 процентных пунктов.

Эта идея отнюдь не нова: в 90-е годы ее эмпирической проверкой занимались неоднократно, но результаты оказывались противоречивыми.¹³ Новым является то, что при использовании более обширных

и представительных данных по странам мира она определенно статистически подтверждается. Такое подтверждение — не более чем указание на некую вероятностную тенденцию, отклонения от которой в отдельных случаях могут быть очень сильными. Выявленная зависимость не объясняет значительной части различий между странами по масштабам неравенства и темпам экономического роста и, поэтому, почти не имеет предсказательной силы.¹⁴

Тем не менее, обсуждаемая идея и ее статистическое подтверждение имеют очень важные политические последствия. До сих пор в политике доминировала либеральная точка зрения, согласно которой в странах, осуществляющих модернизацию экономики, рост неравенства неизбежен и представляет собой временное явление. Такие страны должны делать выбор между ограничением роста неравенства и экономическим ростом. По мере экономического роста неравенство стабилизируется, а затем снижается до масштабов, близких к масштабам неравенства в развитых странах, и бедность, обусловленная высоким неравенством, в конечном итоге будет устранена. В новой концепции ВБ эта точка зрения отвергается: высокое неравенство (выше критического уровня) препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов. Некоторый экономический рост может иметь место и в условиях высокого неравенства, но он не способен сам по себе понизить неравенство и бедность. Экономический рост был бы выше и институциональные преобразования были бы более эффективными, если бы государство одновременно с модернизацией экономики проводило политику перераспределения доходов, обеспечивающую снижение неравенства.

Почему высокое неравенство тормозит экономический рост? В докладе ВБ перечисляется множество факторов и механизмов, обуславливающих негативные последствия высокого неравенства. Однако, поскольку наша точка зрения на эффекты неравенства отличается от точки зрения ВБ, мы сначала рассмотрим, чем на наш взгляд определяется неравенство до-

Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), коэффициент, январь-декабрь

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Российская Федерация	0,289	0,407	0,409	0,387	0,387	0,39	0,394	0,4	0,395	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,416	0,423	0,422	0,422

¹⁰ Исследование Мирового банка показывает, что высокое неравенство (выше 0,4 для коэффициента Джини) препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов: World Bank. Equity and Development: World Development Report 2006. N.Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006.

¹¹ Наши оценки коэффициента Джини с учетом выше отмеченных факторов по коррекции показателей неравенства показывают его больше значение, приближающиеся к 0,5.

¹² Cornia G.E. (ed.). Inequality, Growth, and Poverty in an Era of Liberalization and Globalization. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.

¹³ Persson T., Tabellini G. Is inequality harmful for growth? Theory and evidence. American Economic Review, 1994, 84. С. 600–621; Li H., Zou H. Income inequality is not harmful for growth: theory and evidence. Review of development Economics, 1998, 2. С. 318–334.

¹⁴ Например, по официальным оценкам неравенство доходов в США и в России очень близко к выявленному критическому уровню, но темп экономического роста в России двукратно превосходил темп роста в США в эти годы. А в Китае неравенство доходов выше, чем в России (опять-таки по официальным оценкам), и больше отклоняется от критического уровня, но темп экономического роста в Китае был примерно на одну треть выше, чем в России. Не говоря уже о том, что по данным Росстата неравенство доходов в России в 1994–1998 годах незначительно отличалось от неравенства в 2000-е годы, но тогда происходил экономический спад, а в 2000–2007 имел место экономический рост.

ходов, и изложим наш подход к объяснению его влияния на благосостояние и экономический рост, а затем дадим ответ на поставленный вопрос.

Неравенство доходов формируется в результате сложного взаимодействия между человеческими, экономическими, институциональными и политическими факторами. В оптимистическом взгляде на общество неравенство доходов объясняется дифференциацией человеческих качеств: когнитивных и креативных способностей, образования, квалификации, трудоспособности и склонности к интенсивному труду, предусмотрительности и склонности к сбережениям, инициативности и предприимчивости. Однако человеческое поведение и распределение доходов между членами общества всегда регулируются системой экономических, социальных и политических институтов и реализуются в рамках иерархических организационных структур. Совместное воздействие экономических, институциональных, организационных, а также случайных обстоятельств значительно ослабляет корреляцию между человеческими качествами и доходами, иногда сводя ее на нет. Кроме того, за счет экономических, институциональных и организационных барьеров неравенство доходов может превосходить и часто в самом деле значительно превосходит неравенство человеческих характеристик.¹⁵

Институциональная организация общества определяет доступность образования, квалификации и разнообразных экономических возможностей, а также механизмы создания, фиксации, накопления и удерживания социально-экономических преимуществ. В рыночной экономике частная собственность является основным институтом, обеспечивающим накопление социально-экономических преимуществ. Однако, это не единственный такой институт: статусные позиции в корпоративных и в государственных организационных структурах тоже являются источниками социально-экономических преимуществ, конвертируемых в богатство.¹⁶

Таким образом, институциональные, организационные, политические структуры в значительной степени видоизменяют рыночные эффекты и могут создавать более высокое и несправедливое неравенство, чем создаваемое рынком. При исходном неравенстве человеческих качеств развитие экономики и общества очень существенно зависит от того, посредством каких механизмов происходит отбор людей на преимущественные позиции. Накопление богатства как и достижение высоких статусов в организационных структурах неоднозначно связаны с человеческими способностями. В системе, где «выигрывающий получает все», они относительно случайны. Но в реальной жизни они часто связаны с наличием влиятельных связей, использованием инсайдерской информации и

с другими аспектами асимметрии информации и доступных возможностей. Экономическая, бюрократическая и политическая элиты образуют устойчивые группы постольку, поскольку создают механизмы, поддерживающие их преимущественные возможности, ограждающие их от конкуренции и ограничивающие возможности остальных членов общества.

Одинаково высокие масштабы неравенства доходов могут быть обусловлены диаметрально противоположными причинами: во-первых, интенсивной, но честной конкуренцией, которая сочетается с развитой социальной мобильностью, и, во-вторых, институционально обусловленными преимуществами положения одних социальных слоев по отношению к другим, когда социальная мобильность ограничивается институциональными барьерами и целенаправленными действиями групп, наделенных преимуществами. В первом случае неравенство стимулирует экономическую активность и накопление человеческого капитала, поскольку он является одним из основных источников конкурентных преимуществ. Во втором случае неравенство подавляет эту активность и направляет экономическое и социальное поведение в русло адаптации, которая может иметь регрессивные последствия по отношению к развитию человеческого потенциала, а также приобретать деструктивные черты (такие, как коррупция, теневое предпринимательство и преступность).

Когда говорят о воздействии неравенства на экономические, социальные и политические процессы, это воздействие производится не неравенством как таковым, а системой условий, в которых создается это неравенство, и поведением людей, которое формируется в таких условиях. Неравенство, несомненно, связано с функциональными свойствами экономики и общества, но один показатель неравенства доходов не отражает этих свойств. Общая оценка неравенства доходов (индекс Джини) ничего не говорит о социально-экономических различиях между странами. Аналогичная картина верна и для регионов России.¹⁷

Дело в том, что показатель неравенства может быть одним и тем же в двух диаметрально разных ситуациях: 1) когда много богатых и мало бедных и 2) когда много бедных и мало богатых. А само влияние неравенства на экономическую и демографическую динамику также носит двоякий характер. С одной стороны, возможность достижения высоких доходов и потребительских стандартов стимулирует людей на более качественный, квалифицированный и интенсивный труд, что положительно влияет на экономический рост. С другой стороны, часть населения, живущая за чертой относительной бедности, испытывает нейропсихологическую напряженность, связанную с низкой оценкой социальных перспектив, безвыходностью социально-экономического

¹⁵ *Турроу Л.* Будущее капитализма: как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1999. С. 288–291.

¹⁶ Коррупция является одним из способов такой конвертации, успешно и с большим размахом используемым сегодня в России.

¹⁷ *Шевяков А., Кирута А.* Измерение экономического неравенства. М.: «Лето», 2002.

положения, отсутствием путей для желаемой реализации своего человеческого потенциала. Эффект негативного социального напряжения подобен эффекту тяжелой депрессии, при которой ценность жизни утрачивается.

Для разделения положительных и отрицательных эффектов неравенства и выявления статистических зависимостей нами был разработан новый теоретический подход, основанный на разложении общих показателей неравенства на структурные компоненты. Мы исходили из того, что различным видам экономического, социального и демографического поведения населения соответствуют определенные функциональные границы или пороговые уровни доходов, переход через которые необходим для того, чтобы соответствующие виды поведения были полноценно осуществимыми.¹⁸ Определение такой функциональной границы для того или иного вида активности позволяет не просто фиксировать размеры существующего неравенства, а подразделить его на нормальное и избыточное неравенство с точки зрения осуществимости человеческих возможностей. Неравенство доходов выше функциональной границы мы интерпретируем как нормальное, а неравенство доходов ниже нее — как избыточное.

Именно после такого подразделения (на основе статистической оценки соответствующих функциональных границ и их изменчивости при изменяющихся условиях) объяснение воздействия неравенства на макроэкономические и демографические показатели приобретает окончательную ясность, которую искали, но не могли найти до этого многочисленные исследователи.

На основе этой новой методологии были проведены обширные исследования взаимосвязей структурно-функциональных характеристик экономического неравенства с показателями социально-экономического и демографического развития как России в целом, так и отдельных регионов. Анализ таких связей показал, что нормальное неравенство всегда обнаруживает себя как позитивный фактор, а избыточное неравенство — как негативный, и динамика социально-экономических и демографических процессов хорошо объясняется динамикой соотношений между этими факторами.¹⁹

Исследование структуры неравенства по источникам доходов вскрывает удивительные, не известные ранее факты, прежде всего, показывает, что эффекты структурных изменений неравенства вполне сопоставимы с эффектами таких макроэкономических факторов как инвестиции, рентабельность, доля эк-

спортной продукции в объеме промышленного производства, и что существует статистически значимая причинная зависимость темпа экономического роста от структурных пропорций экономического неравенства. Основным итогом наших исследований заключается в следующем. Чем выше нормальное неравенство, тем выше продуктивность региональной экономики и тем ниже избыточное неравенство. И чем выше доля нормального неравенства в общем неравенстве, тем выше темп роста экономики региона. Такие статистические зависимости очень устойчивы и выражают принципиально важную социально-экономическую закономерность.

Таким образом, роль нормального и избыточного неравенства в объяснении связей между социальными факторами и экономическими процессами заключается в следующем. Неравенство может играть двоякую роль в экономике. В нормальных условиях оно создает стимулы для продуктивной конкуренции и полного использования потенциальных возможностей социально-экономического развития. В этих условиях масштабы общего неравенства близки к масштабам нормального неравенства. Но в условиях, когда избыточные преимущества одних слоев населения обеспечиваются за счет ограничения возможностей других, более многочисленных слоев, неравенство препятствует социально-экономическому развитию. В этих условиях общее неравенство значительно превышает нормальное, то есть имеется высокое избыточное неравенство, которое отражает неспособность общества в равной степени использовать экономические потенциалы всех трудоспособных групп населения и обеспечивать приемлемый уровень жизни группам населения, нуждающимся в социальной поддержке.

Регрессионные уравнения на рис. 3 показывают, что снижение избыточного неравенства на 0,01 (на 1 пункт индекса Джини) повышает темп экономического роста на 1,87 процентного пункта, а темп роста объема инвестиций повышает в среднем на 3,6–3,8 процентного пункта (при большем разбросе ожидаемого результата).²⁰

Количественная оценка эффектов взаимодействия социальных и экономических факторов позволяет сделать ряд важных выводов.

Исследование зависимостей темпов экономического роста и роста инвестиций от избыточного неравенства показало, что снижение избыточного неравенства по экономическим возможностям повышает темпы экономического роста и роста объемов инвестиций. При снижении избыточного неравенства на

¹⁸ Наш подход развивает теорию человеческих возможностей Амартии Сена, в которой осуществимость тех или иных функциональных возможностей человека связывается не просто с уровнем его дохода, но с его положением в распределении доходов в обществе. Наша инновация состоит в том, что с помощью введения понятия функциональной границы и соответствующего разложения неравенства доходов на нормальную и избыточную составляющие мы придаем идеям Сена операциональное содержание, включая возможности статистического измерения и использования соответствующих показателей при разработке прогнозов.

¹⁹ Тот же самый вывод следует из анализа по странам мира, где показатели нормального и избыточного неравенства позволяют с высокой точностью отразить влияние неравенства на уровень продуктивности экономики и экономический рост.

²⁰ Но понизить избыточное неравенство можно только либо за счет перераспределения доходов между группами населения, либо за счет повышения государственных расходов, для которого необходимо повышение налогов.

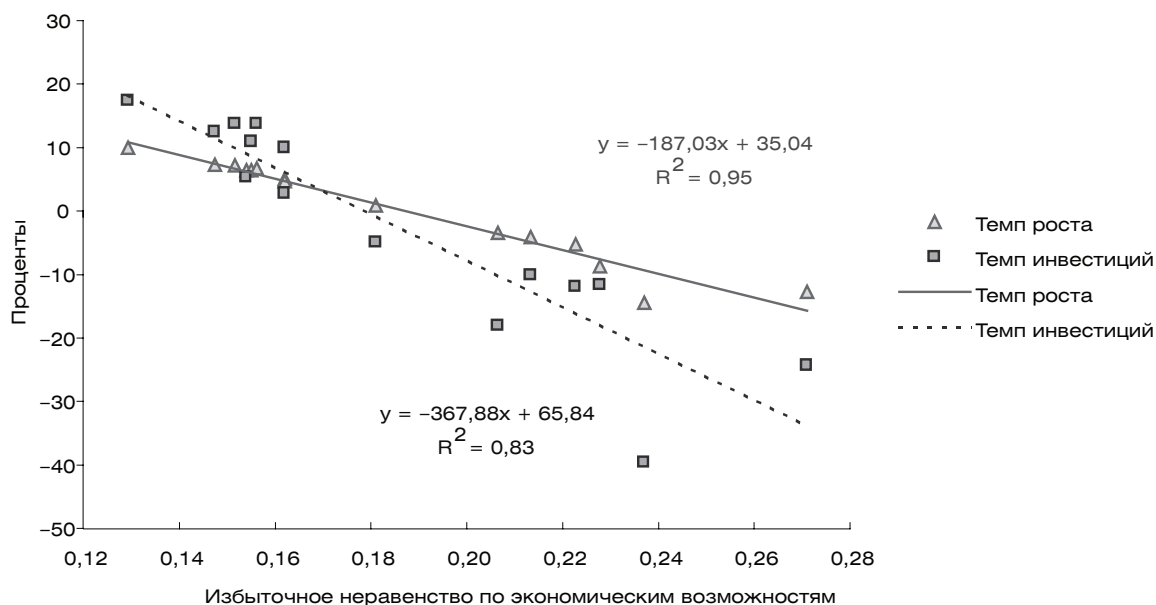

Рис. 3. Зависимости темпов экономического роста и роста инвестиций от избыточного неравенства по экономическим возможностям в 1992–2006 гг.

1% темп экономического роста повышается примерно на 5% (0,33 процентного пункта), а темп роста инвестиций повышается на 6,2% (0,67 процентного пункта). Во всех вариантах ретроспективных расчетов при эффективной, с точки зрения роста ВВП, политике регулирования распределения доходов, снижающей неравенство до уровня 7–10 в коэффициентах фондов ВВП в период 2000–2006 годов мог бы быть выше фактического на 30–50%.

Что касается взаимосвязи структурно-функциональных компонент неравенства с демографическими показателями, то наши выводы об отрицательном влиянии неравенства на качества человеческого капитала подтверждаются и результатами исследований других ученых. Так на рис. 4 и рис. 5 приведены зависимости благополучия детей и смертности в трудоспособном возрасте от уровня неравенства в развитых странах, рассмотренные в одном из докладов на конференции Института нового экономического мышления (INET), созданного Соросом в Нью-Йорке в конце прошлого года.

В докладе рассматриваются и другие многокомпонентные индексы социальных проблем и проблем здоровья, и показано, что эти индексы сильно статистически связаны с неравенством (в том числе, и в богатых странах ОЭСР): чем выше неравенство, тем больше проблем.

Наши исследования на основе эконометрического анализа позволили дать более четкую статистическую оценку интуитивным представлениям о роли и механизмах воздействия социально-экономического неравенства и бедности на показатели рождаемости и смертности. Детальный анализ зависимостей коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста населения от различных показателей неравенства, уровня жизни и бедности показывает, что аб-

солютные значения этих показателей не проявляют статистически значимых корреляций с показателями рождаемости и смертности, в то время как относительные объясняют 85–90% их изменений.

То обстоятельство, что в объяснении динамики рождаемости и смертности основную роль играет именно относительная бедность, показывает диаграмма на рис. 6. Как показывают нелинейные регрессии на рис. 6, динамика коэффициентов рождаемости и смертности с высокой степенью статистической значимости объясняется соответствующими индексами избыточного неравенства.

Таким образом, можно определенно сказать, что ситуация с рождаемостью в России обусловлена относительной бедностью по социально-экономическим возможностям репродуктивного поведения. А ситуация с избыточной смертностью обусловлена относительной бедностью по возможностям социально-экономической адаптации населения.

Регрессии на рис. 6 позволяют оценить эластичности коэффициентов рождаемости и смертности по избыточному неравенству. В среднем снижение избыточного неравенства на 1 пункт индекса Джини, т. е. на величину 0,01 повысит коэффициент рождаемости на 0,2 и понизит коэффициент смертности на 0,3. Иными словами, снижение избыточного неравенства на величину 0,1 повышает коэффициент рождаемости примерно на 2 пункта и понижает коэффициент смертности примерно на 3 пункта.

Ретроспективный анализ показал, что при оптимальном перераспределении доходов, снижающим величину коэффициента дифференциации до 7–9, и при годовом росте реальных доходов на 10% рождаемость в 2007 году повысилась бы на 2,8 промилле — до 13,2 промилле в год, а не до 11 промилле, как это фактически происходит. А смертность при этом по-

Рис. 4

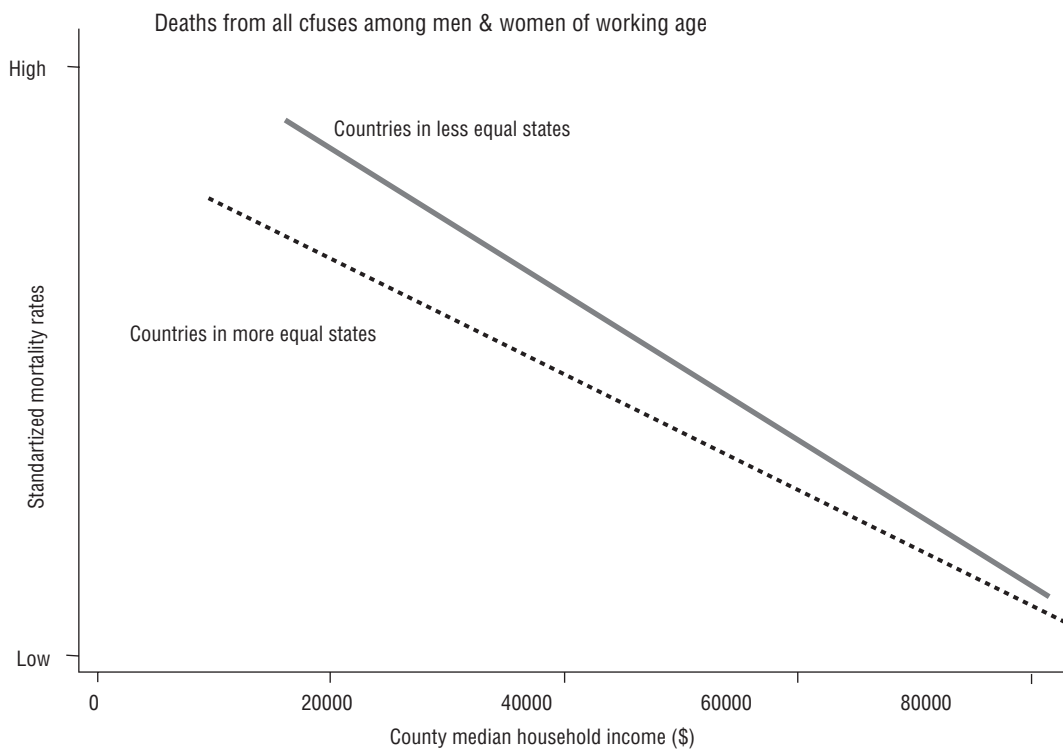

Рис. 5

Source: Wilkinson & Pickett, The Spirit Level (2009) www.equalitytrust.org.uk

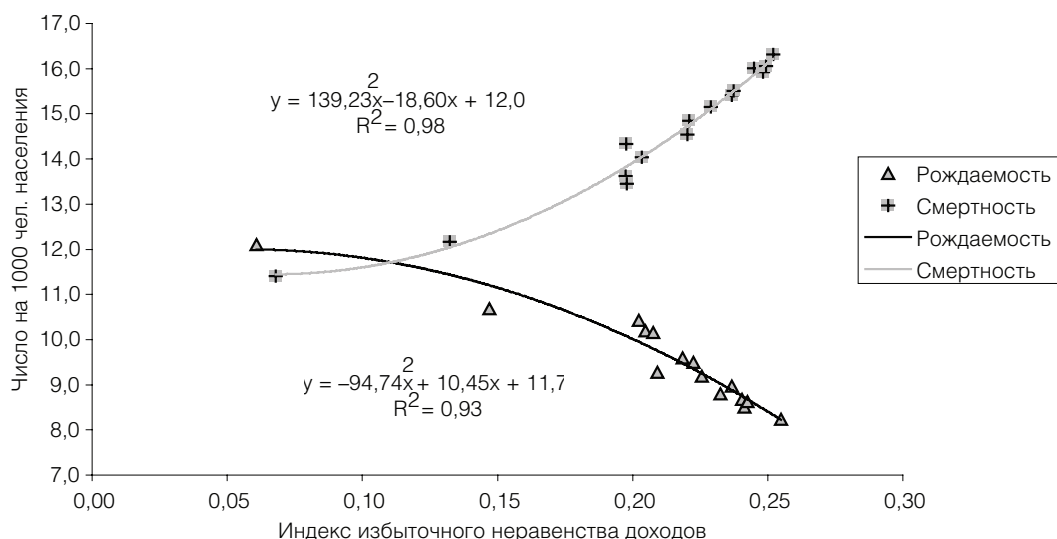

Рис. 6. Зависимость рождаемости и смертности в России в 1991–2005 гг. от избыточного неравенства доходов по соответствующей функциональной границе

низилась бы на 6 промилле — до 9,9 промилле в год, то есть уже в этом году, в принципе, можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения в размере 3,3 промилле.

Таким образом, можно сказать, что параметры распределительных механизмов, когда неравенство находится в пределах значений 7–9 для коэффициента фондов, являются оптимальными, как в экономическом, так и в общестратегическом (в том числе, геополитическом) плане. Именно при таких параметрах распределения большая часть населения сможет реализовывать свои чаяния в экономическом и репродуктивном поведении, сохранении своего здоровья, наращивании человеческого потенциала и т. п., и в этом смысле общественно справедливыми.

Установление нормального неравенства — это институциональная проблема. Рынок не обеспечивает равенства возможностей, хотя формально в сфере коммерческих трансакций его предполагает. Рынок, не ограничиваемый нерыночными институтами перераспределения, ведет к неограниченному росту экономического неравенства, допуская сосуществование очень низких и очень высоких доходов и делая неравенство избыточным. Но недостаточные доходы ограничивают возможности осуществления разнообразных человеческих функций, и тем самым рынок создает неравенство возможностей. Равенство функциональных возможностей вообще и равенство стартовых возможностей для молодого поколения целесообразно потому, что оно создает условия для наиболее эффективного отбора людей на преимущественные позиции в обществе и для наиболее полного и эффективного использования совокупного человеческого потенциала. Когда в условиях экономиче-

ского неравенства возможности зависят от денежных ресурсов, которыми располагает тот или иной индивид, и других привходящих факторов, социальный отбор превращается в отбор худших, который в долговременной перспективе ведет к деградации общества.

Международные сопоставления с развитыми странами показывают кардинальные отличия характера социального планирования в РФ от передовых стран Запада, и в том числе резкий, все увеличивающийся крен распределения доходов в пользу 15–20% богатого населения и позволяют получить представления о характере и масштабах таких институциональных изменений.

Для того чтобы понять, как и насколько мы отличаемся от стандартов распределительных отношений в развитых странах и в какую сторону должна быть направлена реформа этих отношений у нас, мы пошли по пути сравнения параметров кривой распределения доходов населения РФ и кривой, близкой к средне-европейскому стандарту: относительная бедность 10–14%, коэффициент дифференциации — 7–8.²¹

Таблица 1 иллюстрирует необходимые относительные изменения пропорции доходов отдельных групп населения для приведения кривой распределения доходов у нас к «мировым» стандартам.

Оказалось, что для этого необходимо поднять доходы 75–80% населения или восьми низко и среднедоходных групп населения: по первой группе в среднем почти в 3 раза с постепенным убыванием этого коэффициента вплоть до 8-ой группы. И одновременно снизить, не выходя за нормативы ЕС, доходы 15–20% богатого населения в 9-й и 10-й группах. Особенно значительное повышение доходов

²¹ Такие характеристики неравенства обусловлены, в первую очередь, прогрессивной системой налогообложения и позволяют европейцам иметь высокий уровень пенсионного обеспечения на уровне 50–90% от средней зарплаты против 20% у нас; уровень зарплат в бюджетной сфере и МРОТ, который почти в 10 раз отличается от МРОТ в РФ; и что самое главное обеспечить высокий уровень социальных гарантий и достойный уровень жизни для большинства населения и эффективное развитие человеческого капитала.

потребуется для нижней группы москвичей — почти в 7 раз.

Таблица 1

Децили	Необходимые изменения денежных ушевых доходов в децилях в % по отношению к текущему денежному доходу на душу населения	
	Москва	В среднем по России
1	646%	292,4
2	403%	217,7
3	306%	184,0
4	245%	160,6
5	201%	142,1
6	165%	126,5
7	135%	111,9
8	108%	102,4
9	81%	82,1
10	42%	55,7

Чтобы понять, насколько далеко мы отстали в построении социального государства, интересно сравнить уровень европейских стандартов и наших «достижений» в росте показателей неравенства, бедности и других важнейших характеристик уровня жизни.

Из приведенной на рис. 7 диаграммы видно, что отставание по уровню МРОТ пенсий, обеспеченности жильем составляет от 2 до 10 раз, в то время как превышение показателей неравенства, бедности, доступности жилья над среднеевропейскими составляет в диапазоне от 2 до 9 раз!

Одновременно эти данные позволяют оценить характер и масштабы институциональных изменений, позволяющих приблизиться к стандартам развитых стран Запада. Так, например, в таблице 2 приведены данные по количеству лет, которые требуются нам для выхода на существующую обеспеченность жильем в развитых странах.

Как мы уже говорили, отдельные, адресные мероприятия по увеличению пенсий, МРОТ, зарплаты работников бюджетной сферы, несмотря на их необходимость и важность, показывает их низкую эффективность на снижение бедности и неравенства и, в принципе, не может привести к существенным изменениям в решении проблемы снижения уровня неравенства и бедности, так как не устраняет причин, порождающих это неравенство. Простое увеличение бюджетных расходов не может привести к существенным изменениям в решении проблемы снижения уровня неравенства и бедности, тем более что кризис ограничивает возможности дальнейшего роста расходов государства на социальные нужды, не говоря уже о том, что для радикальных изменений необходимы огромные дополнительные ресурсы, а это инфляционные риски.²²

Все это требует радикальной перестройки распределительных отношений.

Перераспределение доходов — это их ключевой момент и системный и принципиально важный способ создания оптимальных условий для ускорения экономического роста и изменения направления вектора демографической динамики. Без увеличения налоговой нагрузки на сверхдоходы и увеличения доходов малоимущих, мы не решим проблему нараста-

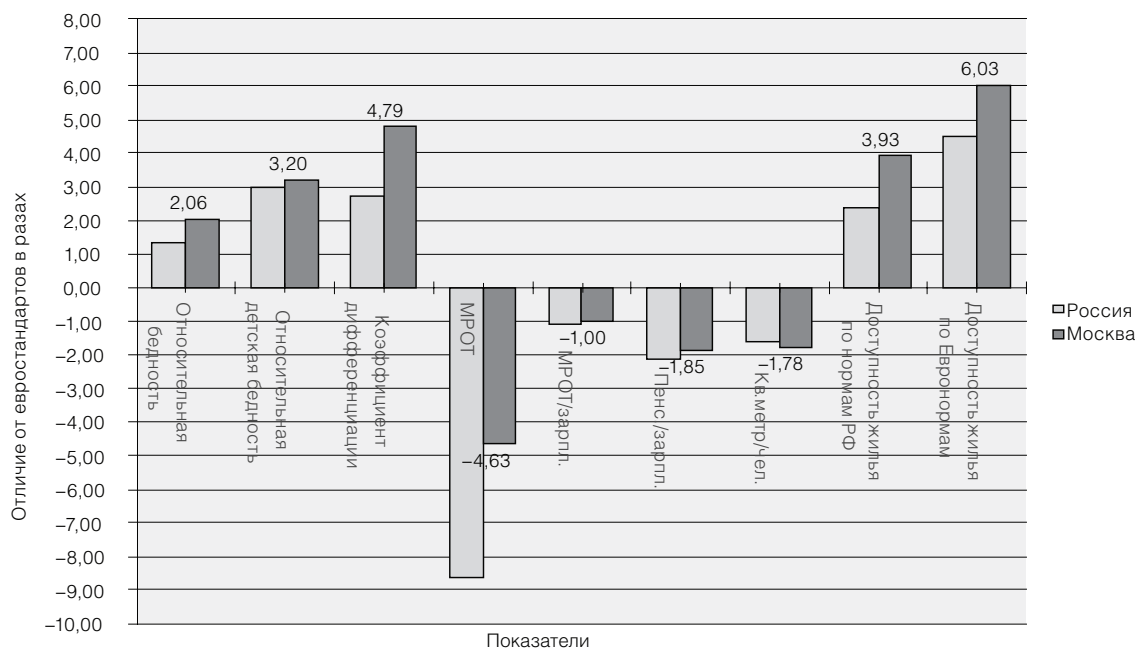

Рис. 7. Отличия стандартов РФ и Европы (OECD — 2005 г., РФ — апрель 2009 г., Москва — 2007 г.)

²² Так только последние мероприятия по повышению пенсий, по словам В.В. Путина, обошлись государству почти в 10% ВВП, а проблема с детской бедностью значительно более ресурсоемка, не говоря уже о жилищной проблеме!

ющей относительной бедности и увеличивающегося разрыва бедные — богатые.

Понятно, что подобный сценарий нельзя превратить в жизнь не только без реформы механизма налогообложения, но и других каналов перераспределения доходов. Без этого воспроизводство чрезмерного неравенства и относительной бедности не прекратится.

Основной путь корректировки распределительных механизмов — это механизмы перераспределения доходов в системы «налогообложение — социальные льготы». В странах с рыночной экономикой, как мы уже отмечали, уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных доходных групп населения, где прогрессивная шкала налогов признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов.

Из более чем 200-х стран в мире 15 стран не имеют НДСЛ, 30 — имеют плоскую шкалу, более 150 — прогрессивную, и только РФ — регрессионную!²³ Для примера в таблице 2 приведены ставки подоходного налога в некоторых развитых странах.

Таблица 2

Подоходный налог в некоторых странах²⁴

Страны	Размер подоходного налога, (в %)
США	15–35 (в связи с кризисом увеличен до 39)
Великобритания	от 0–40 (в связи с кризисом увеличен до 50)
Франция	5,5–40
Германия	0–42
Китай	5–45
Япония	5–50
Австрия	21–50
Нидерланды	0–52
Швеция	0–57
Дания	38–59 (в связи с кризисом увеличен до 65)

Средний уровень верхней планки налогообложения для стран ОЭСД в 2006 году составил 42,95%, а не в самом социальном государстве США 70 млн. граждан платят в среднем подоходный налог 39 долл. в месяц = 1170 руб. в месяц или 2,99% от дохода. Подоходный налог 13% и больше платят всего лишь 7% налогопла-

тельщиков США, топ-1% — 1 млн. 410 граждан США заплатило в 2007 г подоходного налога суммарно в 14 раз больше, чем все вместе взятые 50% — 70 млн. других налогоплательщиков США. В итоге в 2007 году средний подоходный налог в США =12,68%, почти как в РФ — 13%! Эффективность государственного регулирования можно увидеть на примере США — выравнивание распределения доходов в США при переходе в результате перераспределения от первоначальных рыночных к располагаемым доходам приводит к снижению децильного коэффициента в 4,5 раза (с 67,6 до 14,7) и повышению доходов нижней бедной группы почти в 5 раз!

У нас же налогообложение неравенство увеличивает! Так, например, в г. Москве первоначальное неравенство доходов (без социальных трансфертов) после уплаты налогов увеличивается с 132 до 175 в коэффициентах фондов.

Таким образом, необходима радикальная смена парадигмы социально-экономической политики и ее переориентации на нужды большинства населения, которая невозможна без радикальной перестройки распределительных отношений.

Итак, на сегодняшний день можно с уверенностью говорить, что основная проблема неравенства и бедности населения лежит не плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения. Этот вывод представляется очень важным в современных условиях, когда кризис ограничивает возможности дальнейшего роста бюджетных расходов государства на социальные нужды.

Важно понять, что при таком подходе достигается радикальное снижение показателей неравенства и бедности без дополнительных значительных ресурсов, общая денежная масса доходов остается неизменной, так как мы меняем только пропорции ее распределения по различным доходным группам, и инфляционной опасности в таком подходе нет.²⁵ Более того, произойдет стимулирование спроса на отечественную продукцию, на которую ориентированы средне- и низкодходные группы населения.

Понятно, что в условиях слабости государственной машины управления, ее коррумпированности и сверхмерной бюрократизации кардинальные перемены в этой социально и политически сверхчувствительной сфере осуществить крайне сложно. Но российский правящий класс сам должен осознать необходимость, как это сделал в свое время политический класс ведущих стран Запада, что в его же

²³ Анализ реальной налоговой нагрузки различных доходных групп населения показывает ее значительную дифференциацию. Все дело в том, что раз считается, что у нас плоская шкала налогов, то и налогообложение для всех равномерное. Но это не совсем так. Зарплату трудящихся дважды облагают налогом. Сначала снимают единый социальный налог (ЕСН) с фонда оплаты труда — 26,2%, а потом еще с зарплаты 13% — подоходный налог. Получается, что трудящийся отдает со своих доходов практически 40%. А человек, который живет на дивиденды, банковский процент или с аренды собственности — платит с этих доходов в разы меньше. Если он хранит свой вклад под проценты Центробанка, то вообще не платит с них налогов, а если занимается предпринимательством — то 6%, а с дивидендов налог составляет 9%. А именно эти доходы являются основой благосостояния 10 дециля.

²⁴ <http://www.worldwide-tax.com>

²⁵ Такой подход к корректировке распределительных механизмов не имеет ничего общего с соображением «все отобрать и разделить», которые очень часто используется в возражениях апологетов сложившейся ситуации. Нормативное повышение МРОТ и пенсий, против которого они в принципе не возражают, имеет больше оснований быть отнесенными к такому пути реформирования политики доходов.

интересах привести социально-экономическое неравенство к разумным пропорциям, обеспечивающим консолидацию общества, доверие к государственной власти и благоприятные условия для экономического и демографического роста.

Власти и обществу пора, наконец, осознать, что перенос центра тяжести социально-экономической политики на оптимизацию распределительных отношений приобрел ключевое значение для оздоровления и процветания нашей Родины.

Income inequality as factor of economic and demographic growth

A. Scheviakov, professor, director of Institute of Social and Economic Studies of Population, RAS

The author of the article disputes the assertion that the growth of inequality in the countries, which carry out the modernization course in economy, is unavoidable and has temporary effect. The main problem of population inequality and poverty is mechanism of allocating and reallocating of resources. It is necessary to change radically the paradigms of social and economic policy and redirect effects to needs of majority of population. It is impossible to do without radical changes in allocating relations and tax system. This resume is very important in modern conditions, when crisis restricts opportunities of subsequent growth of on-budget expenditures for social needs.

Keywords: *excess inequality, demographic dynamics, social and economical development, allocating mechanisms.*

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РЕСУРС ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Ю. А. Карпова

д. ф. н., профессор РГИИС, действительный член РАН, г. Москва
socin.rgiis@mail.ru

В работе интеллектуальный ресурс рассматривается в контексте современного модернизационного процесса, что предполагает особые требования к человеку как субъекту и объекту инновационной деятельности. Предлагается содержательный (качественный) подход к определению интеллектуального ресурса, дополняющий количественный (статистический), используемый в социологии. Заявленная позиция дает возможность определить основные направления развития интеллектуального ресурса человека и эффективные инструменты социального управления в области образования в условиях изменений.

Ключевые слова: *современность, модернизация, интеллект, интеллектуальный ресурс человека, личностная зрелость, задачи образования.*

Включение России в мировой модернизационный процесс предполагает внимательное изучение современности как ситуации, в которой осуществляется жизнедеятельность человека, от которого в конечном итоге зависят характер, результаты инновационных преобразований, их социальная эффективность.

Не случайно исследователи все чаще рассматривают понятие современности не как эпоху определенно-го исторического развития, а с точки зрения ее качест-

венного содержания. Глобальное распространение новых информационных технологий, создание всемирного электронного пространства, радикальное облегчение условий и быстрота доступа к информации, стремительное возрастание встроенности цифровых технологий в экономические, социальные, культурные, политические структуры кардинальным образом меняют облик современного мира, профессиональную сферу и условия труда, вызывая к жизни такой феномен, как гипермобильность человека и иницируемых